

ной” революции, которая должна превратить Россию „в европейскую” страну, — и в русском историческом прошлом дороги, прежде всего, „европеизированные представители русской общественной мысли”». ¹⁴ И далее, по мнению Десницкого, Плеханов полагает, что русская культура XVIII в. «не продукт и не выражение перипетий и результатов классовой борьбы, а, наоборот, следствие того, что эта борьба была притуплена, была „в скрытом состоянии”». ¹⁵

Мирский в своей статье спорит с Десницким о классовой структуре России XVIII в.

Д. Мирский смотрел на русскую литературу XVIII в. с точки зрения человека, обладающего обширным знанием европейской литературы, но, разумеется, сквозь призму марксизма: «В XVIII веке пересадку европейской литературной культуры на русскую почву облегчало то, что эта литература, уже буржуазная в своих жизнеспособных клетках, была еще вся проникнута инерцией феодального прошлого. Этот феодальный элемент, отмиравший и застойный, и был тем, за что русское дворянство зацепило западную литературу. Пересаженные на русскую почву разные элементы западной литературы оказались в новых соотношениях. Например, ода, застойный и омертвелый жанр на Западе, в России нашла необыкновенно благоприятную почву и оказалась ведущим жанром всей литературы». ¹⁶ Возражая против историко-социологической концепции В. А. Десницкого, Д. Мирский пишет: «Десницкий называет представления об отсутствии классовой борьбы между дворянством и „третьим сословием” идиллическими и меньшевистскими. Мне кажется, что еще более идиллично и меньшевистски. Мне кажется, что еще более идиллично и меньшевистски представлять классовую борьбу то, что ею не является. Сближать русское „третье сословие” с французским есть проявление того же меньшевизма, который в 1905 году представлял русскую буржуазию активной революционной силой (...). В екатерининской России была классовая борьба и далеко не идиллическая. Но она происходила совсем не там, а на полях битв пугачевцев с царскими войсками». ¹⁷

Признавая все-таки некоторые «безотносительно ценные художественные выражения XVIII века», к которым он относит Ломоносова и Державина, Мирский называет остальную дворянскую литературу одним из «отдаленных закоулков» прошлого.

Изучать же следует, — и в этом он видит основную задачу истории литературы, — «социально близкую нам» плебейскую и

---

¹⁴ Там же. С. 14.

¹⁵ Там же. С. 15.

¹⁶ Литературное наследство. № 9—10. С. 502—503.

¹⁷ Там же. С. 507.